ЛЕНИН

В РУССКОЙ СКАЗКЕ

И ВОСТОЧНОЙ ЛЕГЕНДЕ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ - 1930

Из библиотеки ЧЕРНОЙ КУРИЦЫ

Обложка и украшения в книге –
гравюры на дереве С. Юдовина

Портрет Ленина – гравюра на
дереве П.Я. Павлинова

Магазин русской книги "Малер"
Иерусалим, п.я. 6608

А. В. ПЯСКОВСКИЙ

ЛЕНИН

В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ И ВОСТОЧНОЙ ЛЕГЕНДЕ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1930

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со дня смерти Ильича прошло всего шесть лет и, несмотря на такой короткий промежуток времени, вокруг его имени уже сложилось множество народных песен, сказок, легенд и проч. Эти сказки, легенды, песни почти никем не записываются, а записанные разбросаны во всевозможных журналах, провинциальных газетах и пр. за целый ряд лет. А между тем эти сказки, эти легенды неоценимы для нас, и прежде всего с точки зрения действительного отношения широких слоев русского крестьянства и восточных народов не только к Ильичу, но и вообще к советской власти и коммунистической партии.

Мы постарались собрать здесь воедино все, что записано до сего времени в этой области. Возможно, что мы кое-что и пропустили, ибо пришлось просмотреть десятки журналов и сотни, главным образом, провинциальных газет за последние шесть лет. Однако мы полагаем, что брошюра и в том виде, в каком она печатается, весьма кстати в нашей литературе.

Правда, некоторые сказки и легенды не выдерживают «народного стиля», написаны не точно, иногда даже небрежно, однако и в этом виде они, по-нашему, весьма поучительны и будут прочитаны с большим интересом.

О ЛЕНИНСКОЙ СКАЗКЕ И ЛЕГЕНДЕ

О ЛЕНИНСКОЙ СКАЗКЕ И ЛЕГЕНДЕ [1]

Вокруг имени Ленина, особенно после его смерти, сложилось и продолжает складываться огромное количество всевозможных народных сказок, легенд, преданий, песен, причитаний и проч. Эти сказки, легенды, песни складываются не только в русской деревне, не только в киргизском, узбекском кишлаке, но и значительно дальше—далеко за пределами СССР—в Китае, в Африке и других странах. В СССР, среди народов Востока, среди колониальных рабов, среди всего угнетенного человечества Ленин стал эмблемой освобождения, символом счастья.

Недаром одна узбекская легенда заканчивается словами: «...и имя его (т. е. Ленина») будет жить, пока живет слово «счастье!» Недаром другая узбекская легенда говорит: «...Когда трясется земля, вы говорите—землетрясение. Нет. Это Ленин раскидывает каменные глыбы, ищет счастье и правду, и когда он найдет их, настанет четвертый миг счастья».

Недаром говорит китайская легенда: «Кто же ты, кто же ты, давший солнце поколениям? Кто ты, обливший

---

[1] Сказку и легенду в качестве самостоятельных видов народного творчества можно встретить у всех без исключения народов. Легенда отличается от сказки тем, что повествует о героических подвигах, о «святых», о «божествах», об их жизни и пр. Приводимые здесь восточные легенды и сибирскую сказку следовало бы назвать сказко-легендами, ибо они говорят об исторических лицах и вместе с тем «заправляют» их «божественным соусом», рассказывают о похождениях святых, об аллахе и пр.

мир радостью? Назови свое имя, назови!» и сама отвечает: «Лянн... Лянн... Лянн» (т. е. Ленин). Недаром африканская легенда полна поэтических сравнений: «И там, где идет он (т. е. Ленин), все одухотворяется новой жизнью: зима сменяется весной, ледяные покровы тают, снег орошает землю и под его ногами вырастают и расцветают прекрасные благоуханные цветы, и путь его обрамляется цветущими широколистыми лилиями... Все поверженные, все измученные, все обреченные на смерть, все обездоленные, все угнетенные поднимаются за ним, чувствуя новое дыхание новой, наступающей радостной жизни, чувствуя новую свободу, неутолимую жажду к новой борьбе со всеми, кто угнетает человека...»

Эти сказки, эти легенды имеют, конечно, огромный интерес не только с чисто литературной стороны,—они, без сомнения, имеют для нас громаднейшее политическое значение. Они просто и ясно, иной раз трогательно говорят нам о том отношении широких слоев русского крестьянства, восточных народов не только к самому Ильичу, но и вообще к советской власти, к коммунистической партии...

Эти сказки говорят нам о том, что, несмотря на всевозможные затруднения, широкие массы крестьянства видят, что советская власть идет правильной дорогой. Они верят в правоту коммунистической партии...

На вопрос: «Ну, а как житье-то мужицкое?» вятская сказка отвечает:

«Да не так, чтоб уж очень, а все-таки в роде как налаживается. Теперь, слышно, к деревне не задом, а лицом повернулись. Ленин-то давно про смычку говорил своим коммунистам, ну вот, теперь, видно, задумали сомкнуться. Давно бы надо».

Отношение к самому Ильичу, к его личности подчас весьма трогательно, даже задушевно. Не только русская крестьянская сказка, но и восточная легенда и узбекская песня достаточно ярко говорят об этом.

«...И скоро объявили всему народу, что Ленин умер,— говорит вятская сказка.—Народ заохал, застонал, коммунисты тоже не вытерпели—в слезы». Эта же сказка заканчивается так: «Теперь уже наверно скоро проснется (Ленин). Вот радость-то будет. Ни словами не расскажешь, ни чернилами не опишешь...»

«С той поры, — рассказывает иваново-вознесенская скзака о смерти Ильича, — занемог Ленин-батюшка через средствие невидимое, что назвал холоп лучевой волной незаметною. Заболел отец, на постель прилег и закрылись глаза его ясные...» А сибирские причитания еще ярче говорят о любви к Ильичу:

«Ой да вас всигда вспаминать будим,
Ой никада-то да мы не забудим вас...
Ой вашу смерточку да чижалешеньку
Ой споминать станим вас на конец жизни».

Не менее красочно, не менее трогательно повествуют об Ильиче и восточные легенды и песни...

«...И теперь в апреле,—говорит одна узбекская песня,— мы будем надевать красные одежды в знак радости, что в этот месяц родился Ленин. А в январе—черные одежды в знак печали, что он умер. В апреле мы будем петь о Ленине песни радостные, а в январе—грустные. В апреле с нами радостно будет петь солнце, а в январе с нами заплачет холодный ветер...»

«Смерть Ленина, — говорит другая узбекская песня, — повергла нас в глубокую печаль, и слезы затуманивали

миллионы глаз, с рыданиями мешались наши слова: «Ленин... где ты... Ленин... Ленин...» «...Декхан не плачь! Ленина не вернешь...»

«...И он... Зажмите уши. Вас поразит страшная весть... И он... Стисните зубы... Он умер...» и т. д.

Эти простые мужицкие слова нам лучше всего говорят об отношении широких слоев русского крестьянства и народов Востока к Ильичу. Вместе с тем они говорят нам и о том доверии, которое питают эти массы вообще к советской власти, к коммунистической партии... Это отношение весьма выпукло и определенно формулировано одной узбекской песней из кишлака Умайли:

«...Он (Ленин) спит, и иногда он открывает глаза, и они горят радостью, потому что он видит, что у него есть достойные заместители в лице Рыкова и Калинина. Он видит, что они не допустили смуты и исполнили все его приказания... Пусть спит спокойно. Он может быть уверенным, что ни одного его слова не переиначат...»

Эти песни, эти легенды и сказки — искренний и наиболее показательный для нас «вотум доверия», который дают массы своей коммунистической партии и советской власти.

Подобных сказок, легенд и песен — бесчисленное множество. Они рассказываются, они поются во всех, даже самых отдаленных закоулках нашего обширного Союза, они поются и рассказываются далеко за его пределами. «Шмат сказок сказывают...» — говорит крестьянин-белорусс, сообщивший одну из сказок. К сожалению, этим подлинным народным творчеством до сих пор никто специально не занимался [1], никто систематически не собирал, не записывал этих сказок,

---

[1] Хорошо, если б этим делом занялись на местах, напр., Истпарты, привлекая к работе литературные, газетные силы, учительство и пр.

этих песен и легенд. То, что мы имеем пока (мы постарались здесь объединить все записанное до сих пор), это — незначительная часть того, что в действительности сложено, поется и рассказывается об Ильиче. По большей части это — случайные записи либо корреспондентов газет, либо товарищей, имеющих вообще то или другое касательство к литературе.

Тов. Серов, записавший сибирскую сказку «Ленин на каменном столбе», передает нам следующий разговор с крестьянином-сибиряком:

«Кончив легенду, дед вздохнул и умолк. Потом поднялся на ноги... и т. д.

— От кого вы слышали, дед, эту легенду?

— Каку легенду?

— Да вот что рассказали.

— Быль-то? — упрямо проговорил дед. — Быль-то эту в кажинной деревне говорят. Стар и млад эту быль-то знат...» и т. д.

Народное творчество сравнительно редко делает своим объектом, редко претворяет в песню, в сказку, в легенду историческую личность, а если уж претворяет, то исключительно фигуры, весьма поразившие народное воображение... Историческая песня, сказка, легенда, как мы знаем, воспевали либо мрачные исторические фигуры (Ивана Грозного, Тамерлана, Александра Македонского и др.), либо яркие, светлые, как, например, Стеньку Разина и Пугачева. Ленин, без сомнения, был именно такой фигурой: светлой, ясной, быстро покорившей сердца миллионов людей, угнетенных и обездоленных... Недаром все восточные легенды и песни обоготворяют Ленина, и даже сказка (сибирская) находит в нем «особую благодать».

Впрочем, Ленин был фигурой значительно более высокой, значительно более поразившей народное воображение,

нежели Пугачев и Разин. Не говоря уже о том количестве сказок, легенд и песен о Ленине и о той быстроте, с какой они появились в различнейших уголках не только нашего Союза, но и далеко за его пределами, содержание этих песен, легенд и сказок говорит о Ленине как об из ряда вон выходящей исторической фигуре.

Действительно Ленин и его коммунистическая партия сделали так много для крестьянина, для колониального раба, для всего угнетенного человечества, что народное воображение, народное творчество (сказка, легенда, песня) наделяют Ильича не только всеми положительными человеческими качествами, но и сверхчеловеческими, даже божественными.

Каковы же эти качества? Что думают об Ильиче (а вместе с ним и через него о коммунистической партии и советской власти) широчайшие народные массы? Эти вопросы, и притом прежде всего с политической стороны, весьма интересны для нас. Послушаем же.

Прежде всего сказки и легенды в один голос говорят об уме и мудрости Ильича:

«...Изумился аллах уму своего избранника (т. е. Ленина), — говорит узбекская легенда, — который, не обладая силой, перевернул 160 пудов. И задал он ему три загадки и получил ответы, достойные великого мудреца... Увидел аллах, что велик по уму человек, что в его руках не пропадет дело освобождения, и взял он его в свои чертоги... и передал ему часть своей мудрости и послал его на землю. Избранника звали Ленин...»

Волжская сказка заявляет нам, что Ленин «не только с сердцем горячим, но и с головой умной». «От гор Каф и до гор Каф распространилась весть о его мудрости», — говорит узбекская песня. А оренбургская и белорусская сказки дают нам сведения об Ильичовом образовании:

Ленин — «всем наукам обученный», «Батько его научил всем наукам», — говорят эти сказки.

Крестьянин наделяет, впрочем, Ильича не только умом, мудростью образованием, но и хитростью... Где нужно, Ленин хитростью действует, хитростью берет врагов...

Поляки «почали перемогать нас, — рассказывает белорусская сказка, — но Ленин сговорился с ними в кости гулять; у него рука легкая: как кинул кости, так и выиграл. Тут заключили мир...» и т. д. «И отписывает в том известии Миколашка-царь (из оренбургской сказки): так и так, Ленин, надул ты меня...» и т. д.

Московская сказка отмечает личную скромность Ильича: «....Ленин тем часом слез с подводы и обходным путем побежал на станцию, да и шмыг в вагон-теплушку. Народу в ней много. Кой-как местечко себе подыскал и сел на пол, как и все остальные пассажиры-крестьяне и красноармейцы...» А позже Ленин объяснял свой поступок: «...Не хотел я народу показаться, не хотел шуму, встреч и разговоров, потому и забрался в теплушку к своему брату-крестьянину...»

Сильно поражает мужика иной раз суровая справедливость Ильича. Владимирская сказка говорит о том, как Ленин наказал своего «первейшего друга», «разверстки комиссара», за то, что он обижал мужиков:

«...Поцеловал тут Ленин друга-то, попрощался с ним, отвернулся и велел расстрелять его. Вот он, Ленин-то, какой... Справедливость дюбил».

«...И слова его (т. е. Ленина) были справедливы, — говорит одна узбекская песня. — И от справедливости посохшее дерево дало плоды...»

Но особенно много, и притом почти все сказки и легенды без исключения говорят о защите бедняков и угне-

тенных, о любви Ильича к беднякам и ненависти его к врагам бедняков...

«Он ходил от двери к двери, — рассказывает одна из узбекских песен, — и слышал людское горе. И загорелся он от людского горя ненавистью и любовью: он так же любил бедняков, как ненавидел врагов. И встал Ленин на защиту бедняков и отдал беднякам свою душу. Так должен поступить каждый, кто хочет защищать бедняков. Если он не отдаст души, слова его будут ложны. И Ленин отдал душу...»

Целый ряд других узбекских песен говорит о том же, т. е. о любви Ильича к беднякам, о его защите угнетенных, обездоленных:

«Если бы он встал сейчас, — говорит одна из песен, — то лучшей наградой ему была бы радость освобожденных туркестанских бедняков».

«...И когда он (т. е. Ленин) умирал, — передает другая песня, — сознание не оставляло его, и на его устах были слова: «Берегите бедняков и детей»...

А московская сказка уверенно заявляет: «Известное дело: ему крестьянское и рабочее дело дороже всего, человек он — нашенский...» и т. д. и т. д.

Восточная легенда и даже сибирская сказка идут значительно дальше: они приписывают Ильичу даже сверхчеловеческие качества: они обожествляют Ленина или, во всяком случае, приписывают ему то или иное общение с божеством... И это понятно. Узбекский декхан, русский крестьянин из глухих уездов Сибири, будучи еще во власти религиозных предрассудков, все великое, все поразившее его объясняет «божественными» причинами. А Ленин, как мы уже видели, таким именно и представляется восточному декхану, русскому крестьянину, т. е. великим, спра-

ведливым, ратующим за бедняка и т. д. Всех этих качеств, собранных в одном человеке, ни русский крестьянин, ни восточный декхан не наблюдал среди людей, с которыми ему приходится постоянно сталкиваться. А раз это так, то человек, имеющий все положительные человеческие качества, должен быть «не от мира сего». Отсюда обожествление Ильича в восточной легенде и сибирской сказке.

«...И взял он его (аллах Ленина) в свои чертоги,— серьезно заявляет узбекская легенда,—и там держал около 50 дней и 50 ночей и передал ему часть своей мудрости».

«За то, что Ленин,—говорит сибирская сказка-легенда,— мучитца и страдает за народ, за мир честной, значит, ему-то и послал благодать бог-то...»

Когда умирает близкий, дорогой человек, как-то долго не верится, не хочется верить, что он умер, что нет его с нами. Кажется, что он не умер, что спит только, что он скоро проснется и т. д. Это чувство знакомо каждому, кто терял когда-либо близкого человека. Такое же чувство—мы это видим по легендам и сказкам—у большинства восточных народов, у русского крестьянства по отнощеню к Ильичу. Он умер, а никто не верит, не верит и сказка и легенда, что его нет с нами. Кажется, что он заснул и вот-вот проснется. Об этом лучше всего говорит вятская сказка: «Можешь сделать так, чтобы я умер, только не совсем, а так, для виду?—спрашивает Ильич «главного советского доктора». — Хочу испытать, как без меня дела пойдут... Только вот что, доктор,—предупреждает Ильич,— чтобы это было в пребольшом промежду нас секрете»... с конце эта сказка уверенно заявляет: «Теперь уж наверно Вкоро проснется».

Редко, туго крестьянин пропускает к себе в душу кого-либо, а если уж пропустит, то лишь того, кому он всерьез

поверил, кого действительно полюбил, за кого он готов горой стоять. Недаром московская сказка заявляет: «Человек он — нашенский». Потому что личность Ильича действительно особенная, родная, близкая для бедняка-крестьянина, для восточного декхана... Ведь ни одна сказка, ни одна легенда не верит, не хочет верить в смерть Ильича...

«...Заболел отец, — говорит иваново-вознесенская сказка, — на постель прилег, и закрылись глаза его ясные. Но не умер он, не пропал навек...»

«Когда он умер, — говорится в узбекской песне, — не поверили и не верим до сих пор. Он не умер... Он спит, и иногда он открывает глаза, и они горят радостью...»

«Вы думаете, он умер?» — спрашивает узбекская легенда из Старого Маргелана и отвечает: «Нет... Ленин ищет счастье и правду...» и т. д.

Правда, все эти легенды и сказки порой смешны, детски наивны, не верны с фактической стороны, однако это неважно. Дело, конечно, не в этом. Важна для нас та трогательная любовь, та искренность, та печаль по ленинской смерти, которая сквозит, выглядывает из этих бесхитростных сказок и легенд.

«В тот миг, когда Ленин родился от матери, он увидел людское горе и вздохнул. И земля услышала этот вздох, и люди узнали, что родился он — Ленин...» (из узбекской песни).

«Всю жизнь положил он на то, чтобы разгадать причину горя людей, и наконец все стало ему ясно, и он поднял скорбное лицо свое к солнцу, и солнце улыбнулось ему...» (из африканской легенды). Или еще (из иваново-вознесенской сказки):

«...Ленин жив... Лежит на Москве-реке, под кремлевской стеной белокаменной. И когда на заводе винтик спор-

тится али, скажем, у нас земля сушится, поднимает он свою голову и идет на завод, винтик клепает, а к полям сухим гонит облако. Он по проволоке иногда кричит, меж людьми появляется. Тот, кому довелось внимать речи его, тот навеки пойдет путем правильным. Часто слышат его съезды партии, обездоленный трудовой народ. Только видеть его не под силу нам. Лучевая волна незаметная закрывает его от лица людей...»

Что же может быть проще, поэтичнее, задушевнее? Как еще лучше сказать? Как выразить трогательнее все вместе: и любовь, и преклонение, и веру в вождя?

«Собе-
рите, люди,
все лучшие и луч-
шие слова. И словами
этими славьте в песнях
великое имя Ленина...»

(Из узбекской
народной
песни)

РУССКАЯ
НАРОДНАЯ
СКАЗКА
ОБ ИЛЬИЧЕ

КАК ЛЕНИН С ЦАРЕМ НАРОД ПОДЕЛИЛИ [1]

Оренбургская сказка

Сказка эта записана в 1918 году Л. Сейфуллиной на хуторе одного из глухих уездов Оренбургской губернии. Записана она со слов степной хуторянки.

«У нее были добавления и отступления, которых я не помню, — говорит Л. Сейфуллина. — Не помню точных слов но характер слов, содержание, ритм речи ее я помню. Как сейчас слышу. Оттого смело воспроизвожу».

*

Вот приходит один раз к царю Миколашке самый главный его генерал. «Так и так, ваше царское величество, в некотором царстве, в некотором государстве объявился всем наукам обученный дотошный человек. Неизвестного он чину-звания, без пашпорту, а по прозванию Ленин.

---

[1] Все сказки помещаем здесь в порядке их записывания (в хронологическом порядке).

И грозит этот самый человек: «На царя Миколая приду, всех царевых солдатов одним словом себе заберу, а генералов всех, начальников, офицеров-благородию и тебя, царь Миколай, в прах сотру и по ветру пущу. Слово такое у меня есть».

Испугался тут Миколашка-царь, ногами вскакнул, руками всплеснул, громким голосом вскричал: «Отпишите скореича человеку тому, чину-звания неизвестного, без пашпорту, а по прозванию Ленину: пусть не ходит с тем словом на меня, не крушит в прах меня, генералов моих, начальников, офицеров-благородию, а за то отдам я человеку тому полцарства моего!»

Набежали тут к царю люди ученые, скоро-скоро, с задышкою, обточили перья вострые, отписали тому Ленину: «Так и так, не ходи ты, Ленин, на царя Миколая со словом твоим, а забирай себе полцарства Миколаева без бою, без ругани».

И мало ли, много ли, а вскорости прислал ответ письменный тот человек, чину-звания неизвестного, без пашпорту, а по прозванию Ленин. И отписывает Ленин царю-Миколашке: «Так и так, прописывает, согласен я получить от тебя, царь-Миколашка, половину царства твоего. Только отписываю я тебе уговор, как мы делиться с тобой станем. Ни по губерниям, ни по уездам, ни по волостям. А вот как, прописываю я тебе, на какую дележку с тобой я согласен и чтоб без никаких разговоров. Забирай ты себе, царь-Миколашка, всю белую кость: генералов, начальников, офицеров-благородию со всеми их отличьями, со всеми чинами, крестами, наградными аполетами, с супругами благородными, с детями их белокостными. Господинов-помещиков со всем их богачеством, с одежей шелковой и бархатной, с посудой серебряной и позолоченной, с супругами

ихними и с отродием. Забирай себе купцов с товарами ихними, с казною несметною и из банков пущай заберут всю казну свою. Забирай себе всех заводчиков и с казной, и с машинами, и со всем их заводским богачеством. А мне отдавай всю черную кость: мужиков, солдатов, фабричных, с немудрящей ихней шараборой. Только скот на племя оставь, поля травные да землю-родильницу для пахотьбы».

Прочитал письмо Миколашка-царь, заплясал ногами в радости, зашлепал в ладошки в веселости и приказал своим генералам, офицерам и начальникам: «Сей же час отпишите тому Ленину на все полное согласие. И какой же он есть всем наукам обученный, слово тайное знающий, коль от всей казны несметной моей, от товаров купеческих, от припасов помещичьих отказывается, а забирает себе черную кость безо всякого способия. А на тую казну мы себе другую черну кость наймем, из тех нанятых в солдаты заберем и будем жить опять в спокое да в богачестве».

Набежали тут опять к царю спешно-спешно, с задышкою, многие люди ученые, обточили перья вострые, отписали тому Ленину царево согласие. А насчет насмешки и не гукнули, чтоб не одумался, не пошел на них с тайным словом своим.

И мало ли, долго ли, а в скорости наезжает тишком-тихонечком тут Ленин к своим солдатам, мужикам и фабричным. А царь с костью белою уж подальше отьехали. Глядят мужики, солдаты, фабричные, а приехал к ним простецкий хрестьянский человек и говорит им: «Товарищи, здравствуйте!» Куда глаз хватил, всех за ручку подержал и объявил громким голосом: «Буду с вами я в одном положении, как есть мы теперь товарищи. Только

вы меня слушайтесь, я всем наукам обученный и своих товарищей на худое не выучу».

Солдаты по солдатьей своей выучке сейчас: «Точно так, товарищ Ленин, слушаюсь». Фабричные, городской народ грамотный, со сноровкою тож ему не прекословили. А мужики изобидились, что в расчете просчитался он, зашумели, загалдели, задвигались: «За что, про что опустил из рук казну и богатство несметное? Разделил бы нам, мы бы в хозяйстве поправились».

Засмеялся тут Ленин, головой качнул и сказал им в ответ такое слово: «Не галдите, не корите, забирайте землю, скот и хозяйствуйте. А там будет дело видное. Нехватило бы казны той про вас, как есть вас многие тысячи, а белой кости малые сотенки. А насчет того, чтобы всю белую кость совсем со света свести, то слово я знаю еще неполное. Не докумекал маленечко. Но есть у меня другое достоверное на всю черную кость по всей земле. Как скажу его, нигде белая кость не найдет себе н солдатов, ни работников. Все под мою руку уйдут, а от их откажутся. И как есть они не добытчики, а прожитчики, то им долго на белом свете не выстоять».

И мало ли, долго ли, а вскорости, как сказал, и приключилось так. Прискакал верховой к Ленину, привез ему известие от Миколашки-царя. И описывает в том известии Миколашка-царь: «Так и так, Ленин, надул ты меня. Взял себе всю черную кость, а мне отдал не добытчиков, а прожитчиков. Генералы мои, офицеры-благородию — как кони стоялые без солдатов нашинских. Только пьют, едят да жир нагуливают. Господины-помещики все припасы свои уж покончивают, одежу из сундуков донашивают, без опаски изорвали всю, позамазали. Проторговались купцы мои, без мужиков некому им товар свой лежалый сбывать. Заводчики

мои все машины посбивали, перепортили. Как нету сноровки у них, по-книжному и знают, а к винту не подладят. А чужеземный чернокостный народ на службу к нам не наймется, под твою руку прет, на твое слово тайное. И как дошло нам дело, что хоть ложись да помирай, то идут на тебя войной генералы мои, офицеры-благородию, чтоб отбить нам назад к себе всю черную кость».

И с того теперь война пошла промеж белой костью да черною. Только долго белой не выстоять, как привыкли генералы, офицеры-благородию команду на солдата кричать, войски туды-сюды передвигивать, а сами в войне отбиваться непривычные, как есть в них жила тонкая. И недолго им на белом свете выстоять...

СЛУЧАЙ С ИЛЬИЧЕМ НА ОХОТЕ

Московская сказка

Записана в 1920 году А. Верхотурским, вероятно, в одном из уездов Московской губернии. К сожалению, более полных сведений об этой сказке не имеем. Опубликована впервые в 1924 году (май) в газете «Рабочая Москва».

*

Ленин на охоте. Заяц ли увлек его от места стоянки машины или что другое, но только заблудился он в лесу. Вышел на опушку леса, да с другой стороны — машины нет как нет. Аукает Ильич, зовет — отклика никакого. Дело к вечеру подходит. Что тут делать? Решил тогда Ленин пешком пойти до ближайшего села. Там попросить лошадей, чтобы подоспеть к поезду на станцию.

А деревня-то недалеко, всего версты три — четыре.

Пришел в село. Идет в сельсовет, а в нем никого нету. Стучится, спрашивает у соседей. Наконец нашли-таки председателя. Пришел. Двери открыл. Вошли. Сел председатель и спрашивает: «Чаво надо»?

Ленин и рассказывает. Так, мол, и так, значит, до-зареза надо до станции лошаденок. Дело-то важное, а тут, значит, заблудился на охоте, автомобиля и не нашел.

— Лошадей-то дать можно, но только не всякому, — говорит председатель. — Вы кто такой будете, ваш документ?

— Вот то-то и беда, что документов-то у меня при себе никаких нету. Да только вы мне, пожалуйста, и так поверьте, я по хорошему делу.

— На слово теперь никому верить нельзя. Откуда мне знать, с кем говорю, может быть, и вредный какой? Слышь,

завелся у нас всякий там народец: шпионы, бандиты, меньшевики и как они там их еще прозываются. Нельзя. Документы надо, а не то, пожалуй, придется и посидеть...

Плохо тут пришлось Ильичу. Вот положеньице-то какое! Чем чорт не шутит, посадит тебя мужик до выяснения личности в холодную и будешь сидеть. Что тут делать? Не растерялся наш Ильич и говорит:

— Да ведь я, того, Ленин. Не узнаешь, чай?

Мужик на него посмотрел внимательно, покачал головой и сердито пригрозил:

— Ты, брат, со мной не шути, а не то, видишь, кулак у меня крепкий...

— Да я правду говорю. Ей-ей, не шучу. Я—самый, стало быть, доподлинный Ленин, Владимир, значит, Ильич.

Председатель посмотрел на висящий тут же портрет Ленина и опять покачал головой:

— Врешь, — говорит, — не похож.

А Ленин упирается:

— Не я непохож на портрет, а портрет не похож на меня. Что ж, вольно вам рисовать какую-то образину, совсем непохожую на меня, а потом меня за самозванца. принимать,—с сердцем стал увещевать председателя Ленин.

— А вольно вам без документов по охотам всяким шляться, а нам здесь голову ломать: шпион или взаправду Ленин? Ну, да уж так и быть, что поделаешь. Поедем, там на станции видней будет. Посмотрим.

Поехали, по дороге разговорились. Стал Ленин рассказывать про Совнарком, где он за председателя, про съезды советов, где он всегда отчеты о работе своей дает рабочим и крестьянам. Недоверие и опасение председателя понемногу угеглись. В конце концов, еще не доезжая до станции, поверил Ленину, что он—действительно Ленин.

— Больно по-ильичовски говоришь ты о крестьянстве: наверное, ты и есть Ленин...

Подъехали. Ленин и говорит председателю:

— Ты вот поди к начальнику станции и скажи ему, что, мол, Ленин приехал, хочет в Москву поездом, да так, чтоб народ его не приметил.

Ушел председатель на станцию, а Ленин тем часом слез с подводы и обходным путем побежал на станцию, да и шмыг в вагон-теплушку. Народу в ней много. Кой-как местечко себе подыскал и сел на пол, как и все остальные пассажиры-крестьяне и красноармейцы.

Тем временем председатель нашел начальника станции. Рассказал ему о своем пассажире. Тот, как услыхал, растерялся, забегал, засуетился и дает знать по всем станциям: едет, мол, Ленин. Примите меры. Встречайте!

Идет председатель к подводе... А Ленина и след простыл. Бросился туда, сюда. Вместе с ним и начальник станции. Ищут по станции и по вагону, что почище да получше, а его нет как нет. Начальник набросился на председателя:

— Что же это ты, такой-сякой, меня подвел, обманул? Да я жаловаться стану! Что я тебе, дурачок какой?

Председатель клянется, что привез настоящего Ленина, а у самого кошки скребут на душе: «А может, в самом деле, аферист какой, жулик? Эх, беда какая стряслась», — думает председатель.

А Ленин тем временем с крестьянами и красноармейцами разговор повел о том, о другом и о десятом. Известное дело, ему крестьянское и рабочее дело дороже всего. Человек он — нашенский.

Поезд тронулся. Председатель, разинув рот, растерянно провожает его глазами. Ищет Ленина. То в одну сторону,

то в другую бросается. Начальник его подругивает. Печально поехал председатель домой.

Вот как обманулся. Век живи, век учись, а дураком все равно помрешь, всякий стрикулист норовит тебя облопошить.

Только, слышь, на другой день пришла ему депеша: так, мол, и так, не хотел я народу показаться, не хотел шуму, встреч и разговоров, потому и забрался в теплушку к своему брату-крестьянину. Поучился у него уму-разуму. Много услыхал от крестьян я правды, много услыхал про темные делишки моих комиссаров. А тебе, мол, большое спасибо. Приезжай, мол, ко мне домой, мы тебя с женкой угостим да и поговорим по душам. Спроси в Москве про Кремль, а в Кремле про Ленина. Телеграмму покажи, так пропустят.

И что ж вы думаете? В воскресенье снарядился наш мужик с бабою своей (не отставала: возьми да возьми!) и поехал в Москву. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Все ж приехал в Москву наш председатель. Помытарствовал-таки немало, пока добрался до квартиры Ленина. Всем телеграмму тычет. Покачивают головой, но все же пропускают. Ну, вот и объявился он к Ленину. Дело было уже к вечеру. Тот его тотчас же и узнал:

— А, — говорит, — председатель, здорово! — и расцеловался с ним, а жена-то его за бабу взялась. Посадили за стол. Стали чай попивать да разговоры вести.

Вот и говорит председатель:

— Я, мол, председатель и ты, мол, председатель — можно о делах поговорить.

— Можно, — говорит Ленин, — я рад, что приехал ко мне, а то, знаешь, неловко было, что скрылся от тебя тогда...

— Ну, дело прошлое, — говорит наш председатель, — тебе видней, как лучше было сделать. Только ты и на меня не обижайся, что сразу не опознал тебя.

Говорят так по душам, да чай попивают. Уж дело дошло до седьмого пота. Пьют по-мужицки. Кончили. Наш мужик тогда и говорит Ленину:

— Вот ты царя-Николая сбросил, правильно поступил. Потом помещиков прогнал, за это тебе от крестьянства большая благодарность. Землю от них отобрал и нам отдал—правильно. Но только вот что я тебе скажу: я хоть и мужик, но говорю не от своего ума, от всего крестьянства: непрочно все это, некрепко, нет власти на местах, на деревне нет защиты бедняку-крестьянину. Все берут от нас, а ничего не дают.

Ленин тогда в ответ.

— Передай крестьянству, что в свое время все образуется. Сразу ничего не делается. Полегоньку да понемножку все будет по-вашему. Как начали мы с вами революцию делать и строить новый мир, так вместе и кончим.

Еще поговорили. Дал Ленин нашему председателю записочку к самому, значит, большому насчет сапог, плуга и другого добра, чтобы там без задержки: мужик, мол, хороший, отработает. С тем и расстались.

На прощанье Ленин и говорит:

— Как приедешь в город, заходи ко мне, поговорим о том, о сем, да и бабу не забудь с собой взять.

— Ладно,—говорит председатель,—будь по-твоему. Помни и ты, как на охоту ехать будешь, не забудь пачпорт с собой взять. Ведь чуть-чуть в холодную тебя не посадил, ха-ха!—смеялся председатель.

— Ха-ха-ха!—смеялся Ленин, а с ним и обе бабы: председателя и Ильича.

ЛЕНИН НА КАМЕННОМ СТОЛБЕ

Сибирская сказка

Записана в 1924 году Андреем Серовым в одном селе Новониколаевской губернии. Серов слышал ее от деда-крестьянина, который на лошадях вез его в подшефное село. Названия села, к сожалению, привести не можем. Известно лишь, что оно расположено на бывшем Московском тракте, примерно в 10 — 12 часах езды на лошадях от города Новосибирска (бывш. Новониколаевска).

*

Ведь вы, поди, знаете, что, там-ко, середь Москвы, значит, большущий-пребольшущий столб стоит каменный, почитай чуть не до неба. Ну, так вот, ежели забраца на этот столб, то с его видать не токмо Расея вся, но и земли все чужие, значит, не русские. Много людей всяких — может, тыщи, али милиены, ученых, интеллигентов—забраться пробовали на столб этот. Куда тут! Руки коротки! Потому — смекалки нехватило у них, и котелок ешшо не так варит, да и неправильные люди были эти.

Этак, может быть, сто продолжалось годов, и больше, может быть. Ну, значит, так, хорошо-о. Так.

И вот, значит, вдруг неведомо откедова объявился Ленин. Што за человек это, ево и мало хто тогда знал. Только один раз, поосенясь, когда трава в поле засохла, он, значит, Ленин-то, с товарищами и явился к столбу. А у столба-то народу — море.

— Ну,—товарищам говорит своим он,—знать, наста мой черед: надоть лезти и искать правду...

И понимаешь, и пошел, и пошел чесать по столбу-то, как белка! А с народом не поймешь, чо и деется. Которы кричат: «Молодец, ура, щаслива!» А которы: «Голову сломишь, чтоб те! Больше, знать, захотел других и штоб омманывать людей». А которы же завистники были, то из леворликов стреляли даже. Руки коротки! Ленин выше и выше все...

Ну, с тех пор и находитца на этом столбе Ленин-то. Чижало, шибко чижало ему-то, Ленину, приходитца. Днем глядит и по ночам глядит в стороны во все и распоряжацца по-хозяйски. Чуть что, скажем, министр какой, царь земли чужой, али комиссар наш, али другой хто — Ленин чичас же:

— Шалишь, брат, стоп, давай наказать, не туда, паря, гнешь, пошел прямо, придерживай полевей!...

Потому—ему, Ленину-то, с вышины видно все, как на ладонке, и следит сторожко за всем подходяво и направлят жисть на дорогу праведную.

Вот за это, а может стацца, и за то, что Ленин мучитца и страдает за народ, за мир честной, значит, ему-то и послал благодать бог-то.

Когда, примерно, на Расею навалились богатеи и милленчики из землей чужих, штоб сбить, значит, Ленина с пути праведного, вдруг гром страшный ударил и над Москвой-матушкой небо огневое все разверзнулось, и голос громовой:

— Не робей, товарищ Ленин, ты всех врагов и супостатов покоришь под ноги себе! Иди, — говорит, — дорогой своей и веди мир честной за собой к жизни щасливой, праведной, уготованной! А за правду,—говорит,—твою, за страдания и мучения твои за мир честной, не возьмет тя, — говорит, — ни пуля, ни нож, ни огонь, ни вода.

И будешь, — говорит, — жить ты вовеки веков до скончания мира. Аминь.

Ну, с тех пор вот и доспелась благодать-то с Лениным: кажинный месяц делается он раз молодым и раз старым. Примерно, когда на небе месяц моложавит, серпом висит, Ленин—вьюноша, парень кровь с молоком, а как только полнеть почнет месяц и делацца круглым, как краюха хлеба, Ленин стареет, становитца дедушкой... Вот, значит, так дела-то.

КАК НАКАЗАЛ ЛЕНИН ОБИДЧИКА КРЕСТЬЯНСКОГО

Владимирская сказка

Записана, видимо, в конце 1925 или в начале 1926 года Л. Ильинским во Владимирской губернии.

*

Был у Ленина товарищ-друг, что ни на есть первейший — разверстки комиссар. И вот сказали Ленину, что друг-то его этот обижает мужиков да живет несправедливо, добро народное не бережет.

Призвал его Ленин и говорит:

— Друг ты мой, верно это?

Тот молчит, голову опустил.

А Ленин ему:

— Мужика теснить ты права не имеешь. Потому мужик — большая сила в государстве, от него и хлеб идет. Значит, как друга своего, я наказать тебя должен примерно.

Поцеловал тут Ленин друга-то, попрощался с ним, отвернулся и велел расстрелять его.

Вот он, Ленин-то, какой... Справедливость любил.

ЛЕНИН НЕ УМЕР — ОН ЖИВ

Иваново-вознесенская сказка

Записана в Иваново-Вознесенской губ. Ив. Поповым в конце 1925 года.

*

Было то в тысяча и девятьсот двадцать первом году, на аглицкой земле, в золоченой хороме государевой. Призывает к себе царь холопьев своих, министров, фабричных хозяев. И говорит таковы слова:

— Люди знатные, богатеи вельможные, невозможно нам землями ведати, народные дела вершити. Появился на землях наших родных враг хитрый, обольстительный.

Переглянулись тут холопья царские, министры, фабричные хозяева. И держали речь на слова царские:

— Государь наш аглицкий, прикажи холопам своим изловить и сковать в цепи железные того врага хитрого, обольстительного, что мешает землями ведати, народные дела вершити.

И промолвил царь аглицкий:

— Ни холопы наши, ни хозяева фабричные и ни министры мои умные не поймают того врага лютого, обольстительного. В других землях, за морем, за океаном живет он и оттудова посылает гонцов своих для распри к народу моему возлюбленному.

Тут обрадовались холопы царские, министры, фабричные хозяева.

— Государь наш аглицкий, прикажи державе той, где живет враг лютый, обольстительный, выдать нашим по-

сланникам его голову окаянную, или мы, земля аглицкая, пошлем воинов на тую страну.

Запечалился государь аглицкий на теи слова и промолвил с растяжкою:

— Невозможно словити врага лютого, обольстительного, что мешает землями ведати, дела вершити. Прозывается он Лениным-бусурманином. Сам он правит державой той, за морем, за океаном. Суда наши не дойдут до державы его — перетонутся. Пушки наши не стрельнут ядрышками — порассыплются. Солдаты мои не пойдут на народ его—разбунтуются. Подослать кого для придушия— не пропустит держава советская, а охрана народная российская бережет свово главного. Невозможно тягаться с Лениным!

Занедужились холопы царские, министры, фабричные хозяева и не знали, какое слово вымолвить, какой совет советовать. Поднялся тут самый старый холоп. Подошел ко столу со смирением, со словами мудреными:

— Государь ты наш аглицкий, не прими мое слово в насмешечку, прикажи отпустить из казны твоей денег золотом. Изобрел я средствие драгоценное для врагов твоих и державы аглицкой. И то средствие—не лекарствие, не крупинки в порошках больным и не пушка самострельная. А то средствие—невидимое, прозывается лучевой волной, незаметною. Наведем волну прямо на Ленина. И подохнет он, будто сам умрет.

Повскакали с мест люди царские. Государь вскочил без подмоги слуг. Закричали все:

— Ты—спаситель наш. Мы казной своей раскошелимся, наруши врага-обольстителя.

...С той поры занемог Ленин-батюшка, через средствие невидимое, что назвал холоп лучевой волной, незаметною.

Заболел отец, на постель прилег, и закрылись глаза его ясные. Но не умер он, не пропал навек...

Лучевая волна промахнулася. Головы его не затронула. Только с ноженек пригнела к земле да и дыхание призамедлила. Ленин жив лежит на Москве-реке, под кремлевской стеной белокаменной. И когда на заводе винтик спортится али, скажем, у нас земля сушится, поднимает он свою голову и идет на завод, винтик клепает, а к полям сухим гонит облако. Он по проволоке иногда кричит, меж людьми появляется. Тот, кому довелось внимать речи его, тот навеки пойдет путем правильным. Часто слышат его съезды партии, обездоленный трудовой народ. Только видеть его не под силу нам. Лучевая волна незаметная закрывает его от лица людей.

СКОРО ПРОСНЕТСЯ ИЛЬИЧ

Вятская сказка

Сказка эта рассказывается в Вятской губернии. Записана она Родионом Акульшиным в одной из деревень Вятской губернии. Составлена, видимо, не ранее 1925 года.

*

Вот сидит один раз Ленин у себя в комнатке после обеда и разные книжки и газеты почитывает. Только в какую газету ни заглянет, какую книжку ни раскроет, все про себя чтение находит:

«Дескать, что нам перед антантой страшиться, что перед Америкой бояться, когда у нас есть Владимир Ильич Ленин».

Чудно стало Ленину. Встал он со стула венского, походил по комнатке и говорит сам себе:

«Ладно, так и сделаю».

А после того посылает своего посыльного к главному советскому доктору. Приходит доктор, а Ленин ему и говорит:

— Можешь сделать так, чтобы я умер, только не совсем, а так, для виду?

— Могу, Владимир Ильич, только зачем же это?

— А так,—говорит,—хочу испытать, как без меня дела пойдут. Чтой-то все на меня сваливают, во всяком деле мной загораживаются.

— Что ж, — отвечает доктор, — это можно. Положим тебя не в могилу, а в такую комнату просторную, а для прилику стеклом накроем, чтобы пальцем никто не тыкал, а то затычут.

— Только вот что, доктор, чтобы это было в пребольшом промежду нас секрете. Ты будешь знать, я да еще Надежде Константиновне скажем.

И скоро объявили всему народу, что Ленин умер.

Народ заохал, застонал, коммунисты тоже не выдержали — в слезы. Все думают, сердцем трупыхаются: что теперь делать будем? Того и гляди, англичане с французами присунутся.

А самый старший—Калинин—уговаривает:

— Что же поделаешь. Это не в нашей власти... Слезами горю не поможешь. Ну, поплакали малость, ну и ладно, за дело надо браться.

Положили Ленина в амбаришко, марзолей называется, и стражу у дверей приставили. Проходит день, два... неделя, месяц—надоело Ленину лежать под стеклом.

Вот один раз ночью выходит он потихоньку задней дверью от марзолея и прямо в Кремль, в главный дворец, где всякие заседания комиссарские.

В дверях его пропустили, потому в кармане у него пропуск бессрочный лежал, а шапку он надвинул пониже, чтобы не узнали.

Приходит туда Ленин, а заседания уже все закончились, и служители полы подметают.

Ленин спрашивает:

— Кончилось?

— Кончилось.

— Не знаете, о чем говорили?

— Да о разном... Слышь, англичане с нами хотят подружиться, а там еще какие-то державы. Мы ведь в щелку слушали, краем уха... не поняли.

— Так, так, а про Ленина не поминали?

— Как же. Поминали... Вот, — говорят, — Ленин умер, зато коммунистов-то чуть не в два раза больше стало. Теперь только пикни антанта.

— А она не пищит?

— Да покуда, в час молвить, не слыхать.

— Так, так, — поддакнул Ленин и простился со служителями.

Пришел он в марзолей, лег под стекло, думает:

«А ведь ничего, работают и без меня. Ладно. Проверю еще кое-где... Завтра к рабочим на завод схожу».

На другую ночь отправился Ленин на завод. Там его тоже не задержали, прямо в машинную часть провели. Ночью народу на заводе мало, только-только чтобы пары не затухали, держат машиниста, смазчика да кочегара, сторожей еще, чтобы шпионы чего не подсудобили.

«Хватит и этих, — думает Ленин, — мне ведь не митинги разводить, только поспросить кой о чем».

— Здравствуйте, товарищи.

— Здравствуй.

— Ну, как?

— Да, ничего... Сходственно.

— Беспартийные?

— До смерти Ленина в беспартийных ходили, а теперь в коммунистах. Ленинцы.

Ленину это по сердцу маслом.

— А в работе задержки нет?

— А товаров много выпускаете?

И начал, и начал вопросами донимать.

— Да, скоро с мирным временем сравняемся.

— Ну, работайте, работайте, в час добрый, а пока прощевайте.

«Тут ладно, — думает Ленин по дороге в марзолей, — теперь только мужиков проведать, узнать про их житье-бытье!»

На третью ночь Ленин встал раньше: ведь дойти до станции, да дорога, да еще, пожалуй, от глухой станции до деревни пешком итти придется.

В деревню он поехал в какую похуже, чтобы нагляднеи было. В одной избушке огонек светился. Пошел Ленин.

— Можно отдохнуть у вас?

— Заходи.

Входит Ленин и диву дается. Икон нет. Красные плакаты везде. Портреты. Ленин нарочито спрашивает:

— Вы что же, некрещеные?

— Мы, товарищ, в гражданах состоим, а в нашем доме читальня, а это вот—уголок Ленина.

«И тут помнят меня»,—думает Ленин.

— Ну, а как житье-то мужицкое?

— Да не так, чтоб уж очень, а все-таки в роде как налаживается. Теперь слышно к деревне не задом, а лицом повернулись. Ленин-то давно про смычку говорил своим коммунистам, ну вот теперь, видно, задумали сомкнуться, давно бы пора.

Вышел Ленин из избы радостный, в марзолей лег успокоенный, спит вот уже много дней после своих странствований.

Теперь уже наверно скоро проснется.

Вот радость-то будет.

Ни словами не расскажешь, ни чернилами не опишешь.

СНОВА ПРИШЕЛ СТЕНЬКА РАЗИН: ИМЯ ЕМУ — ЛЕНИН

Волжская сказка

К сожалению, эту сказку полностью привести мы не в состоянии. Возможно, что она вообще не записана еще целиком.

Идея этой сказки передана крестьянином Ульяновской, бывш. Симбирской, губернии Ивановым. Сказка эта рассказывается на Волге (главным образом у Жигулей).

*

Лет десять назад сказывали водоливы досужие, старики волжские, о Стеньке Разине, который скоро-де снова придет, снова батраков взбунтует.

Через сто лет, а может, и весной будущей, когда Волга подо льдом поднятым вспухнет, придет Степан Тимофеевич! Придет, верили батраки.

И не как-нибудь, не откуда-нибудь — место точно легенда указала.

Придет Стенька из Симбирска, от Кремлевского тына, от кровавой реки Стрелецкой, в которую когда-то головы буйные сыпались...

Только... придет Степан не такой. Не только с сердцем горячим, но и с головой умной.

У Жигулей, и уж не только у Жигулей, с караванов барочных перекликается сбывшаяся легенда.

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

— Кто пришел?

— Ленин.

— Откуда?

— Из Симбирска!

— Слу-у-шай — улица!

— Московская, по дороге к Свияге!

— Нет, товарищ, он родился на Стрелецком тыну!

— Как в легенде?

— Как в легенде.

— Не только с горячим сердцем, но и с умной головой!

Красивые легенды ходят по Волге.

Всех красивее — легенда о Ленине.

ХТО Ж ТОЙ СОКІЛ, ТОВАРИШІ?

Украинская сказка

Приводимая ниже сказка или, вернее, баллада о Ленине представляет собой вольную, сокращенную запись и отдельные обрывки баллады, записанной студентом рабфака Гр. Панченко, который слышал эту балладу на ярмарке под Ахтыркой. Газета «Харьковский Пролетарий», поместившая на своих страницах эту сокращенную запись и обрывки баллады, пишет по поводу ее происхождения:

«Певцом этой баллады был безногий калека-инвалид, по фамилии или по прозвищу Черниговец. Он пел под аккомпанемент кобзы и гармони, при чем его пение напоминало песенный речитатив, с отыгрышем после каждого куплета. Дать полный текст своей баллады он не соглашался и даже не повторил ее, боясь, очевидно, «плагиата». Гр. Панченко поэтому ограничился только записью нескольких отрывков и изложением общего содержания.

Об этом нельзя не пожалеть, так как в данном случае мы имеем почти единственную законченную народную балладу, составленную в духе вековой украинской песенной традиции».

*

Була зіма з відлигою,
А другая люта.
Настраждались москалики
Залізом окуті.
Куди ни глянь — біле поле
Людським трупом вкрито,
А по селах плачуть жінки
Та голодні діти.
Царі, купці, енерали
Війну выхваляють
І на полях скрівавлених
Банкети справляють...

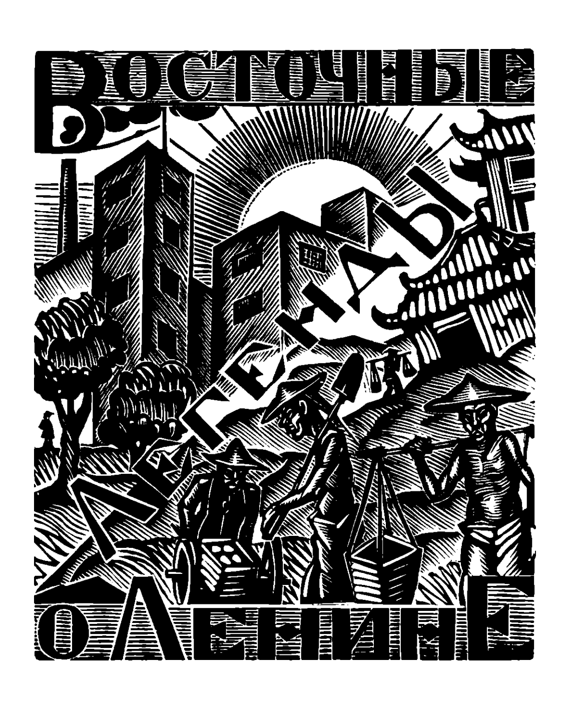
И вот, над окопами взвился белый сокол...

Прилетів сокіл, прилетів ясний,
Над окопами літае,
До москаликів, до товаришів
Словами промовляе:
— Чи не годі вам, товариші,
В окопах загнивати,
Бо вже час настав, москалики,
Свою долю здобувати.

Услыхали генералы соколиные речи, приказали стрелкам убить сокола... Кто его снизит пулей, тот получит награду от царя... Взял стрелок «рушницю» в руки—только «по ошибке» послал пулю не в сокола, а в генерала.

Поднялася вьюга, буря, зашумели люди, будто реки рвут оковы и несутся в море. В этой страшной сильной буре—и царя не стало. Ревут волны, бьют пороги, земля «пеклом» стала, а над дымом, над пожаром—сокол все летает... И зовет, людей скликает, «до зброи, до зброи», пока паны не полегли, как бурьян под косою... Стало лучше всем рабочим, вздохнули селяне полной грудью,—вдруг его не стало... Умер сокол, обессилел, знать перетрудился... Его именем великим весь мир обновился.

Хто ж той сокіл, товариші,
Куди линув, де він?
То не сокіл, то наш любий
Володимир Ленін».

ВОСТОЧНЫЕ
ЛЕГЕНДЫ
О ЛЕНИНЕ

ЛЕНИН СДЕЛАЛ ЛЮДЕЙ СЧАСТЛИВЫМИ

Узбекская легенда из Махрама

Записана Л. Соловьевым в кишлаке (узбекское село) Махрам Ферганской области (Узбекистан) со слов декхана Махмуда Заиджанова.

Приводим русский перевод.

*

Как грузный медведь разрушает муравейник и языком слизывает тысячи муравьев, так войны разрушали мир и уносили тысячи жизней.

Войны устраивали князья и баи[1], чтобы больше захватить денег, и заставляли крестьян, подчиненных им, итти на убийство и на смерть.

Когда преисполнилась чаша терпения неба, когда кровью насквозь пропиталась одежда аллаха, когда от дыма пожа-

---

[1] Помещики, кулаки.

ров и смрада гниющих трупов нечем стало дышать на небе, аллах собрал всех слуг своих и спросил: кто сделает счастливой землю, кто из вас пойдет в эту бездну горя и крови и прекратит убийства и грабежи?

Стал аллах выбирать сильнейшего и умнейшего, чтобы в силах был пойти на землю и сделать землю счастливой. Он положил большой камень, весом в шестьдесят пудов и сказал: «Того пошлю на землю, кто перевернет этот камень»... Потом он задал три загадки:

— Кто сильнее всех в этом мире?

— Кто счастливее всех в этом мире?

— Кто слабее и несчастнее всех в этом мире?

Многие пробовали перевернуть этот камень, но не могли даже пошевельнуть его. Многие отгадывали загадки, но ответы их были льстивы и неумны. Говорили, что аллах— сильнее и счастливее всех, что несчастнее и слабее всех— шайтан. Но глухо к лести было сердце аллаха, и тень печали ложилась на глаза его. Говорили, что умерший Али был сильнее всех, что богачи—счастливее всех, что тащишки —слабее всех.

Но не мог достойного найти среди своих слуг аллах. И надел аллах халат дервиша [1] и сошел на землю, окровавленную и измученную, и стал искать освободителя среди людей.

Первым увидел он человека, перебрасывающего кули с зерном, как мячики, и подошел к нему и сказал: «Идем со мной, человек». Привел его аллах к камню и сказал: «Попробуй. Переверни». Человек взялся за край камня, поставил его на ребро и вдруг упал мертвым от натуги.

[1] Нищенствующий странник-монах (мусульманин).

Дальше пошел аллах, и много людей он пробовал, так много, что на камне осталось пять углублений от пальцев рук, пробовавших поднять камень. Но не находил подходящего аллах. И когда он в горести и печали задумался, где искать ему избранника, увидел он человека с высоким лбом. И сказал себе: «Попытаю этого». Он повел человека к камню и сказал: «Попробуй. Переверни».

Когда снял человек рубашку, заплакал аллах: у человека руки были тонкие, и не его рукам было перевернуть камень... Но человек и не взялся за камень. Он пошел, принес два бревна и одно подсунул под камень, а ругое положил под первое и, нажав на противоположный конец, перевернул камень легко и без усилия. И когда камень был перевернут, из-под камня потекла кровь. Аллах увидел, что там лежит раздавленный ок-плен [1], который держал камень с силой ста пудов и не давал перевернуть его предшествующим, ибо нет человека, могущего поднять шестьдесят пудов веса камня и сто пудов силы ок-плена. И изумился аллах уму своего избранника, который, не обладая силой, перевернул сто шестьдесят пудов. И задал он ему три загадки и получил ответы, достойные великого мудреца:

— Самый сильный—самый умный, кто пользуется любовью мира.

— Самый счастливый—самый честный и кто дал счастье многим.

— Самый несчастный—тот, кого не любит никто.

Увидел аллах, что велик по уму этот человек, что в его руках не пропадет дело освобождения, и взял он его в свои чертоги и там держал его около 50 дней и 50 ночей, и передал ему часть

---

[1] Весьма ядовитая змея.

своей мудрости, и послал его на землю. Избранника звали Ленин. Ленин пошел на землю в блеске своей мудрости и сразу прекратил кровопролитие и сделал людей счастливыми. Потом он ушел отдыхать в чертоги аллаха, оставив землю освобожденной и счастливой, и имя его будет жить, пока живет слово «счастье».

ЛЕНИН ИЩЕТ ЛЮДСКОЕ СЧАСТЬЕ

Узбекская легенда из Старого Маргелана

Записана Л. Соловьевым в Старом Маргелане, Ферганской области (Узбекистан) со слов старика-узбека Мамед-Али. Приводим русский перевод.

*

Было время — счастливо жили люди... Было время — жили все, не спрашивая друг друга: а почему нам хорошо жить? И думали, что так положено аллахом. Был тогда на земле один человек. Звали его Катта-Баш. Был он человек мудрый и ученый, до того ученый, что знал наизусть весь коран, весь закон. И за такую ученость его чуть-чуть побаивался даже сам аллах. Закон так велик, что сам аллах не твердо знает его и повторяет два раза в неделю. А Катта-Баш знал.

Однажды мудрый Катта-Баш спал. Когда он проснулся, увидел около себя палочку и записочку. Он стал читать и узнал прекрасный почерк Иссы, аллахова писаря: «Тебе передаю палочку, в ней — счастье людей. Береги ее, Катта-Баш, от сатаны. Люди пропадут, если эта палочка попадет в руки сатане». Катта-Баш задумался, и, пока он думал, шайтан увидел палочку и украл ее. И понес в горы.

Катта-Баш закричал. Но аллах спал, и когда он проснулся, то палочка была уже в горах и два громадных шайтана заваливали ее каменными глыбами. В этот миг на земле Каин убил Авеля. В этот миг, хотя этот миг был мигом только для бессмертного Катта-Баша, аллаха и шайтана, а для остальных этот миг был тысячелетним, в этот

миг один из людей сказал: «Я сильнее вас всех». И стал царем. В этот миг погнал таксыр тащишку за десятипудовым мешком. Миг был тысячелетним.

Полилась кровь. Ужаснулся аллах. Было поздно. Шайтаны спрятали палочку. Плакал аллах, и слезы лились из его глаз сорок дней и сорок ночей. Этот плач аллаха зовут люди потопом. Так погибло счастье людей.

За этим мигом настал второй миг. И страшен был второй миг. Длился он две тысячи лет для нас. Прошел по земле Тамерлан. Сжег... Убил... И много прошло по лицу земли кровавых людей. И много крови росой поднялось кверху и осело на белые одежды аллаха. Опомнился аллах.

Настал третий миг. «Иди искать»,—сказал аллах Катта-Башу. Катта-Баш сказал: «Я умру. А искать пошлю моего ученика». Катта-Баш умер. Его ученик пошел искать счастье. И звали ученика — Ленин.

Настал конец мгновения. Ленин свергнул насильников... исчез. Вы думаете, он умер? Нет... Он помнит завет Катта-Баша. Он ищет в горах людское счастье. Когда трясется земля, вы говорите — землетрясение. Нет. Это Ленин раскидывает каменные глыбы, ищет счастье и правду, и, когда он найдет их, настанет четвертый миг — счастье.

ЛЕНИН ДАЛ СОЛНЦЕ ПОКОЛЕНИЯМ

Китайская легенда

Записана Ал. Колосовым в Джетысуйской (бывш. Семиреченской) области со слов караванвожатого Фо-Тин-Куна.

*

Среди смрадных болот, в чахлых зарослях столетних карагачевых кустов жили без солнца, без радости людские поколения. Смрад и туманы, голод и мрак разъедали ткани их организмов, давили душу, тушили сердце. Век человеческий был тридцать лет. Без ногтей, без волос рождались их желтые, в морщинах дети. Поколения вырождались, безносая костлявая смерть шла над болотами, над чахлыми зарослями карагачевых кустов, над поколениями, грезящими о смерти.

Но в туманное, смрадное и слякотное утро спустился с гор, с далеких вершин белоснежного Тянь-Шаня бесцветный и странный человек. В пугающих речах его пламенел огонь, жгучие призывы его потрясли толпы; тридцатилетние старики вещали о приходе смерти, о грядущей гибели последних поколений.

Речи странника были жгучи, были странны, были безумны.

Он говорил о смерти, о слякоти болотной жизни и о том, что могут, могут поколения, обреченные на смерть, не знающие солнца и радости, что могут они превратить туманные и слизистые пространства в розоцветный, благоухающий сад, что в разметах цветений гигантского сада этого поднимутся ввысь каменные громады дворцов и что

брызнет в фонтанах, в потоках могучих, гранитом скованных рек солнце, преображающее жизнь.

Странник собирал толпы, звал их жгуче к преображению земли к овладению солнцем, и призывы эти были странны, были безумны.

Тридцатилетний вождь, с трясущейся шеей, с искривленным позвоночником, с редкими клочьями седых волос, ответил страннику веско, и в ответе том был голос умирающих поколений, слово десятилетий и веков смрадной и слякотной жизни:

— Ступай!—прошамкал грозно тридцатилетний старец.— Ступай! Не тебе нарушить закон веков. Под туманами этими, в этих черных и неоглядных болотах, у родимых зарослей этих жили отцы, деды и прадеды наши. Не надо нам солнца, глупы и смешны сады твои на земле, в тину которой ушли тысячи, десятки и сотни тысяч родимых тел. Ступай! Не надо, не надо нам солнца!..

— Не надо! — повторил кто-то.

— Не надо! — зашумело над толпами. — Не надо!

— Надо! — прозвенел страстно и протестующе чей-то молодой голос.

И десятки других, тоже молодых и чуть звенящих сказали:

— Дай солнца! Дай...

Десятки людей проводили каналы, вязли в болотах, вбивали сваи, стлали каменные арыки, по которым стекала вниз, к гигантской долине Иссык-Куля, зеленовато-грязная болотная вода.

Шли дни, недели и месяцы, шли годы, гибли молодые смелые.и Звал и звенел, убеждал и пламенел голос странника, пришедшего с гор, чтобы преобразить землю, чтобы построить жизнь с солнцем.

И преображалась земля. В ярких зеленях, разливающихся все шире и буйнее, вставали зори. Медвяные запахи боролись со смрадом гниющей земли. Светлые струи играли по каменным лентам каналов.

Но было еще тяжко, было мучительно тяжко: гибли молодые и смелые, вещали о приходе смерти, о грядущей гибели поколений тридцатилетние старики надрывно и грозно: «Не надо солнца!»—кидали грязью, камнями в строителей и готовили смертельный яд для безумного спустившегося с гор человека.

Было тяжко, было мучительно тяжко, но уже в гранит вковалась земля, уже первый цвет, розовый и благоухающий, смеялся зорям, и уже рвались ввысь каменные громады дворцов...

И пришла первая весна в край, пришла, одетая солнцем, с далеких предгорных долин, пришла в жгучих радостях, в блеске лучей, в благоуханьи цветени.

И опять собрал толпы странный, бесцветный, безумный человек.

Неземно-радостный рокот пронесся по толпам этим:

— Великий! — сказали юные строители.

— Великий! — вырвалось из груди тридцатилетнего, с трясущейся шеей, с искривленным позвоночником, с редкими клочьями волос, но зажженного новыми надеждами старика-вождя.

— Великий! Самый великий!—пророкотала восторженно толпа.

И сказал тогда странник:

— Всем... всем—солнце, всем—радость, всем—светлые струи воды...

— Кто же ты, кто же ты, давший солнце поколениям? Кто ты, обливший мир радостью?

— Назови свое имя, назови!
И отвечает быстро, повторяет звеняще:
— Лянн! [1]
— Лянн!
— Лянн!

---

[1] Ленин.

ЛЕНИН СДЕЛАЛ ВОЛЬНОЙ КИРГИЗСКУЮ СТЕПЬ

Киргизская легенда

Записана С. Чуйковым

*

Когда бог построил мир, он собрал всех царей. И каждого поочередно спрашивал:

— Доволен ты землей, которую я дал твоему народу?

Цари падали на колени и говорили:

— Благодарю тебя, великий аллах. Земля, которую ты дал нам, хорошая. И народ мой доволен ею.

Когда очередь дошла до киргизского хана, он тоже упал на колени и сказал:

— Я тоже благодарю тебя, аллах, за ту землю, которую ты мне дал. Земля хорошая. Хаять нельзя. Но мне обидно, что ты дал нам одну безлесную равнину. Нет возможности окинуть ее глазом и нет бугорка, с которого я мог бы следить за тем, что делается на моей земле.

Подумал бог и сказал своим строителям:

— Соберите все, что осталось у вас от постройки земли, и сделайте посреди степи место, на котором были бы леса самые тенистые. Пусть будут у него горы самые красивые и пусть будет вода в его озерах самая чистая и прозрачная. Когда верблюд искупается в озерах, он будет белый, как снег.

И сделали строители так, как велел бог.

А бог позвал еще раз хана и сказал:

— Я сделал так, как ты просил, но ты должен помнить, что земля, которую я дал, принадлежит не одному тебе, а всему киргизскому народу. Ты будешь жить на этой

земле и править киргизским народом по закону, который я дал тебе. А чтобы ты не нарушал закона и не притеснял народ, я пошлю в степь могучего орла. Он будет жить на самой красивой и высокой горе и оттуда будет следить за тобой. Если ты будешь нарушать закон и будешь притеснять народ, орел будет наказывать тебя так, как я велю.

Упал хан на колени и сказал:

— Великий аллах, я все сделаю, что ты указал в законе.

Но когда вернулся хан в степь, он не сдержал своего слова. С первого же дня стал нарушать закон.

Чтобы увеличить богатства своего сына и сделать его еще более знатным, хан отбирал у джигитов скот и брал себе. Чтобы лучше укрепить свою власть, хан отбирал землю у бедных родов и отдавал баям. И баи разносили славу о хане по всем четырем сторонам земли.

Велика сила хана и несметны богатства его! Вся степь покрылась ханскими табунами, и вся земля в руках великого хана!.. А на большой и зеленой поляне, среди дремучих лесов и высоких гор, расставил хан свои бесчисленные кибитки. Много серебра и золота, много разноцветных каменьев и много шелковых халатов в кибитках хана. И в самой большой, белоснежной из них, украшенной шелком, коврами и оружием, живет сам хан с маленьким сыном. И нет на земле детей красивее и умнее ханского сына! Живет и пирует хан, окруженный красивыми женами, храбрыми джигитами и знатными баями. Не знает хан о нужде и страданиях своего народа. Позабыл хан, что орел летает над степью и видит все дела хана.

Пришло время наказания.

В тот день, когда солнце пылало над степью, маленький сын хана играл на поляне у озера среди гор и лесов; орел

спустился на землю, схватил когтями ханского сына, улетел с ним на высокую гору и там, на глазах хана, стал клевать сердце ребенка.

Клекот орла и крик маленького хана гудели по всем четырем сторонам степи.

Заревел хан от горя, точно медведь застонал. И собрал хан со всей степи лучших стрелков, приказал им стрелять в орла. Но гора была так высока, что ни одна стрела не долетела до орла. Тогда позвал хан на помощь белого царя. А белый царь послал в степь русских. Пришли в степь с огнем и свинцом. Они убили могучего орла. Но было уже поздно. Орел выклевал сердце ханского сына. Прекратился ханский род.

С тех пор гора, на которой жил могучий орел, стала называться Ок-Жетпес. А русские огнем и свинцом покорили киргизский народ и построили на всех четырех концах степи четыре города: один — на востоке, другой — на западе, третий — на севере, четвертый — на юге.

Долго летели из городов в степь огонь и свинец. Долго стонал киргизский народ под властью белого царя.

Но пришел в степь славный богатырь Кенисара [1], сын Аблая. Поселился в глухой и темной пещере у высокой и синей горы. Оттуда поднял против русских всю степь. Поднял Кенисара храбрых джигитов и обездоленных джагатов. Хорошо дрался славный богатырь Кенисара с русскими. Совсем близка была пора свободы для киргизского народа. Но ушел Кенисара к богатым узбекам. Полюбил дочь кокандского хана и позабыл про борьбу родного народа. Гулять стал Кенисара. Много кумыса пил Кенисара

---

[1] Национальный киргизский герой, поднявший восстание против русской власти в середине XIX века.

много красивых девушек было около Кенисара. И рука Кенисара поднималась против родного народа. А узбеки и ханы приготовили ловушку. Продали Кенисара русским. Погиб Кенисара. Надолго пропала свобода киргизского народа. Опять наступила власть белого царя. Словно саранчой, покрылась земля царскими чиновниками. Опять загудели стон и плач киргизского народа по всем четырем концам степи. Долго гудели.

А на землю пришел большой богатырь—Ленин. Долго ходил по земле Ленин, долго смотрел по всем четырем сторонам: слушал стоны и плач обиженных людей, собирал своих храбрых комиссаров и красных орлов — большабеков.

И покрылась земля тучами красных орлов. И загудели на земле снова гром, огонь и свинец. И летела от них царская саранча по всем четырем сторонам земли.

Прогнал Ленин царя и его чиновников. Но в степь пришел новый царь — белый правитель Колчак. Он грабил степь. Он насиловал женщин и девушек. Он гнал джигитов на войну. И еще больше стонал киргизский народ под властью Колчака.

Услыхал стон киргизского народа богатырь Ленин. Собрал своих красных орлов и сказал:

— Подите в степь. Прогоните Колчака и его чиновников. Отдайте степь тем, кому она принадлежала. И сделайте так, чтобы не было в степи ни бедных, ни богатых, чтобы все люди стали равными, потому что я принес всем людям новый закон. А чтобы баи, хохлы и казаки, живущие в степи, поскорее забыли привычки царских чиновников, вместе с вами я пошлю в степь молодого и могучего орленка. Он будет жить на горе Ок-Жетпес и оттуда будет следить за тем, чтобы никто не смел нарушить новый

закон. А если баи, хохлы и казаки нарушат законы, я прикажу молодому орленку наказать их и выгнать совсем из степи.

Так сказал большой богатырь Ленин и так сделали красные орлы. Теперь степь—вольная, и никто не может нарушить новый закон, потому что на высокой горе Ок-Жетпес живет молодой и могучий орленок.

НАРОДЫ ВОСТОКА И ДАЛЬНЕГО ЮГА ЖДУТ ИЛЬИЧА

Африканская легенда

Легенда эта записана Бонч-Бруевичем и приведена в его воспоминаниях о покушении на Ильича в 1918 году.

«Эта легенда, — говорит тов. Бонч-Бруевич, — поведана мне в годы ожесточенной гражданской войны и интервенции англичанином-путешественником, приезжавшим в Москву...»

*

Далеко-далеко на север, где горы, поля и долины почти всегда белы от ниспадающего снега, где холод сковывает моря и реки и останавливает жизнь, опустошая леса и луга, заставляя поющих птиц улетать в далекие края, а зверей убегать на юг, там, где человек не тушит своего очага ни днем ни ночью, дабы спасти себя от леденящего дыхания ветра, где люди гибли от работы, труда и насилия — родился новый человек. Душа его скорбела целую жизнь о горе и несчастии не только его народа, но и всех людей, которых — всех одинаково — он считал за братьев.

Всю жизнь положил он на то, чтобы разгадать причину горя людей, и наконец все стало ему ясно, и он поднял скорбное лицо свое к солнцу, и солнце улыбнулось ему... И он пошел... Пошел в мир, в глубину народов, с севера на юг, и там, где идет он, все одухотворяется новой жизнью: зима сменяется весной, ледяные покровы тают, снег орошает землю и под его ногами вырастают и расцветают прекрасные благоуханные цветы, и путь его обрамляется цветущими широколистыми лилиями... Все повер-

женные, все измученные, все обреченные на смерть, все обездоленные, все угнетенные поднимаются за ним, чувствуя новое дыхание наступающей радостной жизни, чувствуя новую свободу, неутолимую жажду к новой борьбе со всеми, кто угнетает человека...

И измученные народы востока и дальнего юга ждут пришествия нового избавителя в их родные страны из страны дальнего севера, откуда уже дошел до них луч надежды, растопивший их трепещущие сердца.

ОТ МЕСЯЦА И ЗВЕЗДЫ РОДИЛСЯ ЛЕНИН

Узбекская легенда. Записана в Ургуте (Узбекистан)

Нельзя жить людям без счастья. И люди ищут счастье, они чувствуют, где оно, и идут к нему. Но путь лежит через холодные снежные горы. И это бы еще ничего, но на пути к счастью—ок-плен, стрела-змея. Все злые силы приказали ок-плену: не пускай! И она не пускает. Но людям нельзя жить без счастья. И вот люди выдумали лук. Люди вооружились луком и пошли искать счастье. Напрасно: стрелы лука не могут уязвить ок-плен, они ломаются, они только щекочут злую змею. Задумались люди и придумали щиты. Люди прикрылись щитами и двинулись к счастью, но и на этот раз ок-плен прошибла щиты насквозь, и много полилось человеческой крови.

Тогда в отчаянии люди стали выдумывать все новые и новые орудия—нельзя людям жить без счастья—и род за родом, племя за племенем двинулись к счастью. Но ок-плен попрежнему никого не пропускала. Ок-плен все больше крепла, с каждой новой людской выдумкой она становилась все сильнее и сильнее. И не знали люди, что делать, и уже хотели люди остановиться на полпути.

И тогда пришел человек. Он был одет как декхан [1], у него были мозолистые руки, руки декхана, и в руках у него был хлеб. У человека не было никакого оружия, у него был только хлеб. И с одним хлебом он пошел на

[1] Крестьянин.

ок-плен. Человек приблизился к ок-плен, ок-плен приблизилась к человеку, и вот они остановились. Ок-плен собралась с силой и бросилась на человека. Человек не стал защищаться, он только протянул вперед мозолистые руки, в которых находился хлеб. Ок-плен прикоснулась к хлебу, ок-плен ударилась о хлеб и упала замертво. И дорога к счастью освободилась, и люди пошли за человеком к счастью. Человек, который их повел и освободил от ок-плен, был бедняк, но родился он от месяца и звезды и от них получил силу.

Слушайте, слушайте, узбеки: его — человека, освободителя — зовут Ленин...

САМЫЙ СТАРШИЙ — БОЛЬШОЙ ИЛИЧИЧ[1]

Чукотская легенда

Записана, видимо, на дальнем северо-востоке СССР, на Чукотском мысу, записана со слов охотника-коряка Никилича. Помещена была в январе 1928 года в газете «Тихоокеанская Звезда». Более подробных сведений о происхождении легенды не имеем.

*

Это хорошо, очень хорошо. Люди не будут голодать так, как было давно, когда теперешние охотники были еще юношами, искавшими себе жен.

И вот в один плохой год зверя не было, и люди голодали, готовясь к дальнему, последнему пути через большую туманную тундру. И многие ушли... Навсегда. Ехать никуда нельзя было. Не было еды для собак. Не было пороху.

Черный дьявол решил погубить наш народ. Он разогнал зверя. Он научил купцов ничего нам не давать. Он ходил вокруг наших жилищ, глядя, как мы умираем.

И вот, старый охотник Сагичиг решил воевать с ним. Всю ночь он молился, а утром, взяв внутренности последней зарезанной собаки, пошел. Через три дня те, кто мог еще хорошо ходить, надели лыжи и пошли искать его. Нашли. Он лежал за светлой горой, а около него, в капкане, бился сам черный дьявол. Мы убили его и получили за шкуру много муки, чаю, пороху и патронов.

Это было давно. Теперь этого не будет.

---

[1] Так коряки называют Ильича.

Далеко, откуда нам привозят чай, есть хорошие люди... И они не боятся черного дьвола.

Старшие у них — строгие, смотрят, чтоб было все по-хорошему. А самый старший у них—Иличич—большой большой, больше, чем та светлая гора, за которой нашли черного дьявола. Иличич научил людей быть хорошими. Он рассказал им, в чем справедливость. Он велел им быть справедливыми с нами. Теперь Иличич тоже ушел в большую туманную тундру, но и оттуда он говорит своим людям, и те слушают его.

Старый Ворк, тот, что совсем ушел в тундру прошлой зимой, видел во сне Иличича. Огромный и сильный, с суровым лицом, Иличич ласково сказал Ворку: скажи народу, пусть радуется и ждет. Я помню о вас. Не будет у вас больше голода, и черный дьявол не посмеет обижать народ. Скоро придет солнце, большое и яркое, и будет оно светить вам всегда. Не будет сумерек, не будет долгой ночи, пурги, ледяной зимы. Так Иличич сказал, а потом улыбнулся и зашагал по тундре дальше.

Когда Ворк рассказывал об этом, он плакал, как женщина. А когда и ему пришлось уйти на большую тундру, он радовался и всем говорил о том, что теперь он встретит Иличича и не уйдет от него, а будет его путь освещать кострами и укрывать его мягкими шкурами.

ЛЕНИН В
ВОСТОЧНОЙ ПЕСНЕ
И СИБИРСКИХ
ПРИЧИТАНИЯХ

Народные песни о Ленине, к сожалению, записывались еще в меньшей степени, нежели сказки и легенды. Однако эти песни также весьма интересны и поучительны. В них еще более трогательное, еще более яркое выражение народной симпатии к Ленину, а вместе с ним и к коммунистической партии и советской власти, — и это понятно, ибо песня более подвижна, более доступна широким народным массам, нежели сказка и легенда.

Мы приводим здесь несколько узбекских, азербайджанских и др. песен, посвященных Ильичу (три песни-диалога, десять обычных песен и две импровизации), бурятские частушки, а также «покойницный вой по Ленине» (сибирские причитания).

Главная масса приводимых нами узбекских песен собрана Л. Соловьевым.

* * *

ПРАВДА

— Правда ли, что мы, бедняки, от века были в темноте?

— Правда.

— Правда ли, что для нас под Моской взошло солнце?

— Правда.

— Правда ли, что этому солнцу имя—Ленин?

— Правда.

— Правда ли, что Ленин видел и Москву и Кашгар?

— Правда.

— Правда ли, что если кто обидит бедного декхана, то Ленин железной рукой схватит обидчика?

— Правда.

— Правда ли, что Ленин любит бедняков и что он дал им власть и свободу?

— Правда.

— Правда ли, что он утер слезы женщин?

— Правда.

— Правда ли, что когда Ленин сказал первое слово, то это слово было: хлеб и свобода?

— Правда.

— Правда ли, что Ленин никогда не умирал и никогда не умрет?

— Правда.

Это — узбекская песня-диалог. Впервые она была опубликована в ташкентской газете «Правда Востока» в 1924 году (спустя несколько месяцев после смерти Ильича). Песню эту пели в чайхане [1] в присутствии многочисленных посетителей два народных певца, сидевшие лицом друг к другу (каждый у противоположной стены). Пели под звуки примитивных туземных инструментов на знакомый всем народный мотив. Пели поочередно. Один задавал вопрос, другой отвечал.

---

[1] В чайной.

Записан лишь отрывок этой песни-диалога (он приведен нами). Следующая песня является, повидимому, продолжением и некоторой вариацией приведенной песни

* *

ПРАВДА

— Скажи, правда ли, что Ленин, которого сейчас нет на земле, родился от месяца и звезды?

— Правда.

— Правда ли, что когда Ленин сказал первое слово, то это слово было...

— Хлеб и свобода.

— Правда ли, что у Ленина правая рука с плеча по локоть золотая?

— Правда.

— Правда ли, что когда некая женщина выстрелила в Ленина, то собака, лизнув вытекшей крови, сдохла, ибо пуля была с ядом?

— Правда.

— Отчего не умер он?

— В жилах его не кровь, а огонь. Огонь пожег яд.

— Умер ли он?

— Нет. Он ушел от нас наверх. Ему удобнее смотреть сверху.

Певцы спели до ста таких куплетов и наконец закончили песню словами: «Бисмалла рахим рахмет», — говорит А. Б — в, слышавший и записавший эту песню-диалог в Тамаша-кишлаке (Узбекистан). Пели эту песню два узбека, сидя в разных концах чайханы.

* *

ЛЕНИН И ТИМУР

Эту песню-диалог поют два певца по очереди:

1-й. — Мало ли звезд на небе? Выделишь ли ты из них самую яркую?
Мало ли песчинок на бархане? Выберешь ли ты самую большую?
Мало ли людей на земле? Найдешь ли ты самого славного?

2-й. — Я не выберу из миллионов огней самый яркий
И из миллиона миллионов крупинок — самую большую,
Но из тысячи миллионов людей я назову самого славного.

1-й. — Кто?

2-й. — Ленин.

1-й. — Ты прав. Он затмил величие железного Тимура.

2-й. — Тимур — ничто.

Оба вместе. —
Где прошел он, не росла трава
И умирал в норе суслик,
И в пустыню превращалась земля,
Прожженная железной хромой [1] пятой.

1-й. — Вздрогнул царь, когда Ленин родился...

2-й. — Вздрогнули все цари, когда Ленин сказал первое слово.

1-й. — И слово это было....

2-й. — Хлеб и свобода.

[1] Тимур (или Тамерлан), известный азиатский завоеватель, был хромым.

Оба вместе.—

Ленин сверг насилие и гнет,
Ленин сам бедняк, но родился он
От месяца и звезды и от них получил силу,
И сделал доброе дело...

1-й.—У него правая рука по локоть была золотой.

2-й.—И в жилах его тек огонь...

1-й.—Когда в него стреляла женщина, тогда собака,
Лизнув его кровь, упала мертвой,
А он не умер... Почему?

2-й.—Огонь его жил сжег, испепелил яд.

1-й.—Ты прав, мой товарищ, слушайте, узбеки.
И пусть Ленин будет жив в вашей памяти...

Таких куплетов поется до сотни и больше. «Бисмалла рахим рахмет» кончают певцы,—говорит Л. Соловьев, записавший эту песню-диалог. Песня эта имеет несколько куплетов общих с предыдущей. Возможно, что эта песня и две предыдущих являются лишь частями одной песни.

* *

АПРЕЛЬ И ЯНВАРЬ

Записано в Канибадаме (Узбекистан) в мае 1925 года Л. Соловьевым.

*

В апреле родился Ленин,
В январе Ленин умер.
И эти два месяца красным и черным
Отмечены в нашей памяти.

Апрель—месяц весны, радостный и теплый—
Дал нам освободителя.
А январь—месяц зимы, мрачный и холодный—
Унес его от нас.

И теперь в апреле мы будем надевать
Красные одежды в знак радости,
Что в этот месяц родился Ленин.
А в январе—черные одежды
В знак печали, что он умер.

В апреле мы будем петь о Ленине песни радостные,
А в январе—грустные.
В апреле с нами радостно будет петь солнце,
А в январе с нами заплачет холодный ветер.

* *

ЛЕНИН ЛИ УМЕР?

Записано в кишлаке Умайли (Узбекистан) Л. Соловьевым.

*

Ленин ли умер? Нет. Умерло его тело.
А сам он не мог умереть. Пророки не умирают.
Не может умереть сын месяца и звезды,
У которого в жилах не кровь, а огонь.
Когда умер, не поверили
И не верим до сих пор.
Он не умер. Это видно из того, что его тело
До сих пор цело. А тело всякого другого
Давно бы стало прахом.
Он спит, и иногда
Он открывает глаза, и они горят радостью,

Потому что он видит, что у него есть достойные заместители
В лице Рыкова и Калинина;
Он видит, что они не допустили смуты
И исполнили все его приказания.
Пусть спит спокойно. Он может быть уверенным,
Что ни одного его слова не переиначат.

* *

ЛЕНИН, ГДЕ ТЫ?

Записано Л. Соловьевым.

*

Смерть Ленина повергла нас в глубокую печаль,
И слезы затуманивали миллионы глаз,
С рыданиями мешались наши слова:
— Ленин... где ты?... Ленин... Ленин...
Под его руководством мы шли по тропе жизни
И не знали забот и горя.
— Ленин... Где ты?... Ленин... Ленин...
Осмотрись назад, узбек:
Где великие миры?
Где Александр Македонский? Где Тамерлан?
Ленин там же...
Когда он отошел из этого мира,
Его друзья, т. е. мы, облеклись в глубокий траур
И беспрестанно восклицали:
— Ленин, Ленин! Вернись...
Будьте внимательны.
Он испил из чаши смерти тленного напитка
И прекратил бытие...

Такова участь всех людей...
Но славное имя будет жить в веках,
Будет жить в веках имя Ленина.
Декхан, не плачь! Ленина не вернешь.
Лучше подумай, как жить без него.

* *

ПЛАЧЬТЕ, УЗБЕКИ

Записано Л. Соловьевым в одном из кишлаков Ферганской области.

Плачьте, узбеки.
Ваше солнце погасло.
Пусть выедят слезы ваши глаза.
И лицо земли покрыла тень,
И черный мрак окутал небо,
Блеснули молнии, а на земле
Им в ответ блеснули выстрелы,
Взвыли гудки...
Заплакала земля...
Заплакал народ...
Окаменели Россия и Туркестан.
И было это 21 января 1924 года.
О, горе! Вылилось столько слез,
Что ими можно было затопить кишлак.
О, горе! Заплакали степи и пески...
Слезами истекло небо...
Вздохнули облака
Не громом, а
Огненными вздохами.
Померкли звезды...

* *

Записано Л. Соловьевым в кишлаке Корчин (Узбекистан).

*

Ленин, как солнце, поднялся над Москвой,
И теплым светом озарил Россию и Туркестан.
Но был жесток этот свет для врагов бедняков,
Он слепил их и жег.
А они, не зная, что делать,
Решили убить Ленина.
Но аллах слышал наши молитвы
И спас его, и снова вознесся Ленин, как минарет.
Но убийцы сделали свое дело...
Проклятье им, они сократили его жизнь.
И теперь он лежит в сырой земле,
Но в его голове вьются живые мысли,
И незаметно мы узнаем их и исполняем.

* *

ОН УМЕР

Записано Л. Соловьевым.

*

Все мы в этом мире тленны, смертны,
Пьем из чаши тленный, смертный яд,
И ни царь, ни нищий и ни грешник
Не избегнут жала смерти...
И над Лениным, высоким и славным,
Свисла ее костлявая рука,
И он, в правлении которого отражалось величие
Александра... [1]

[1] Александра Македонского.

И он... Зажмите уши. Вас поразит страшная весть...
И он... Стисните зубы... Он умер...
Его жизнь была чиста, как луна в небесах.
Он ни разу не сделал зла беднякам,
Он был с ними так же добр, как был зол
с врагами.
Его жизнь начала угасать давно. И угасла не рано
Для его лет, но слишком рано для нас.
И когда он умирал, сознание не оставляло его,
И на его устах были слова:
«Берегите бедняков и детей».

* *

ЛЕНИН ОТДАЛ ДУШУ БЕДНЯКАМ

В тот миг, когда Ленин родился от матери, он увидел людское горе и вздохнул. И земля услышала этот вздох, и люди узнали, что родился он — Ленин.

Когда в двадцатый раз глаза его увидели расцветающий урюк, он надел плащ — плащ нищего — и ходил от двери к двери. Он ходил от двери к двери и слушал людское горе. И загорелся он от людского горя ненавистью и любовью: он так же любил бедняков, как ненавидел врагов.

И встал Ленин на защиту бедняков и отдал беднякам свою душу. Так должен поступить каждый, кто хочет защищать бедняков. Если он не отдаст души, слова его будут ложны. И Ленин отдал душу. И слова его были справедливы. И от справедливости посохшее дерево дало плоды.

Из сердца Ленина вылетели искры... Эти искры были ярче, чем из костра ночью.

Ленин кровью сердца своего, любовью своею написал для нас указание прямого пути — Маслак-уль-Муттаньск.

От гор Каф и до гор Каф распространилась весть о его мудрости. И под гнетом подвигов великих и пламенной любви стан Ленина согнулся, как буква «дал».

* *

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ

Соберите, люди, все лучшие и лучшие слова. И словами этими славьте в песнях великое имя Ленина. Хоть его смерть была по цене дороже, чем стоит вся земля и находящееся на ней,—мы перестанем плакать. Пусть огонь любви высушит наши глаза, ибо было слез слишком много. Слезами можно было затопить кишлак. Плакали пески и пустыни. И небо истекало слезами.

Тело Ленина лежит под грузным камнем. Но тело Ленина—только дом, в котором он больше не живет.

К подножию его могилы, как к черкому камню в Мекке будут ходить все люди.

Не каждый видел птицу шунгар. Она совсем белая и сильнее орла. Ленин был шунгаром среди людей. Смерть из лука подстрелила его, и он умер. Что нам делать? Он покинул нас, он переселился в Арш. Что нам делать?

Соберите, люди, все лучшие и лучшие слова. И словами этими славьте в песнях великое имя Ленина. Пусть огонь любви высушит наши слезы, ибо было слез слишком много·

* *

НАРОДНЫЕ ИМПРОВИЗАЦИИ

Записаны Л. Соловьевым.

*

Кроме песен, в Узбекистане у декхан имеется масса импровизаций. Декхан едет на лошади, видит разрушенный арык. Он тут же складывает песню:

Если бы это увидел Ленин,
То он сказал бы арык-аксакалу:
— Почини и дай воду земле...
Ленин, Ленин... мы без тебя —
Как рой пчел без матки...

*

В кишлаке достаточно сказать слово «Ленин», и сейчас же декхане начинают мурлыкать:

Ленин умер в Москве. Зачем он умер?
Он умер... умер... Но его глаза видят
И мозг работает, потому что он—пророк.

Таких импровизаций громадное количество. Сосчитать их невозможно. Каждый день десятки, сотни арбакешей, подняв кверху головы, мурлычат в разных концах Средней Азии: «Ленин... Ленин».

* *

ЛЕНИН И АЮ-ДАГ—ВЕЧНЫ, КАК ЭТО МОРЕ

Пять дней бушевало море.
Пять дней на вспененной воде лежала скользкая муть.
Пять дней синие барашки-волны разбивали о ноздреватые скалы пенистые лбы.
Пять дней...
На шестой—море стихло и от коричневого берега до бледно-синего горизонта покрылось мелкой рябоватой зыбью.
Шестой день — черный голубь на рассвете в пунцовом клюве принес черную весть:
В Москве, в Горках умер Ленин!

Вновь на вечерней заре залетали сизые буревестники.
А ночью шторм, раздирая в мелкие щепы рыбацкие ялики,
стонал и выл в смертельной тоске:
— Умер Ленин!
В горах, на Яйле бушевал буран, заметая в долинах сакли.
Бушевал и пел похоронную песнь —
отходную о нем, усопшем.
Внизу Аю-Даг—белый мертвец в темно-синем гробу, море
сурово, но в молчании было:
Так и Ленин застыл и лежит и на ноги встать не может.
Так и Ленин застыл в сердцах миллионов, как в море.
Так и Ленин и Аю-Даг — вечны, как это море.

Песня эта записана Вадимом Вихровым в августе 1927 года в Крыму, в Бахчисарае со слов пятидесятилетнего неграмотного старика-садовника Вели Одабаш (крымский татарин). Песня эта была напечатана в январе 1928 года в симферопольской газете «Красный Крым». Песня, видимо, при переводе на русский язык подверглась некоторой обработке.

* *

ОН ВИДЕЛ НА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ВПЕРЕД...

Раз в сто лет родится великий человек,
И он, словно большая гора, виден всему миру;
Но такого большого человека, как Ленин, мир еще не
видел.
Были великие люди у разных народов...
Он же — велик для всего человечества.
Его любит и знает каждый, кто трудится и не угнетает
других.
Когда он родился,
Весь мир увидел его, как солнце, поднимающееся с гори-
зонта.

Он знал, что нужно для счастья
Каждого народа и как направить жизнь.
Он не забыл даже о самом жалком бедняке и амбале.
Он видел на тысячелетия вперед
И направил нас на новую жизненную дорогу к лучшему будущему.
Поэтому, когда он умирал, все люди узнали об этом, так как птицы перестали петь и солнце затмилось.
Его имя будет звенеть в песнях наших на протяжении тысячелетий...

Эта песня приведена в очерке Л. Майрановского: «Закавказские народы о Ленине» (см. «Ленинградскую Правду» № 19 за 1928 г.) Приведена она как образец азербайджанской песни о Ленине, которую поют слепцы-музыканты. Когда, кем и с чьих слов записана эта песня, сведений нет

* * *

БУРЯТСКИЕ ЧАСТУШКИ О ЛЕНИНЕ

1

Унэнхурань тогтожи,
Утхальжаня хубун палагарба.
Ульяновь хуля тобто-оржи,
Улад зоних налагарба.

2

Уха морье аршалган,
Ундор вагондо баяртабдя.
Анзагаша зоно аршалган,
Улан Лениндэ баяртабдя.

3

Хула морье аршалган,
Хурдан вагондо баяртабдя.
Худморшо зоно аршалган,
Хомунист Лениндэ баяртабдя.

4

Улан гали шатаган,
Ула хэта хоер.
Олон зойн хугжогон,
Ульяноб Баладимир.

5

Далада ябаган онгосомна,
Тамаржи арляхань харамта
Дадая эблулган Ленин-мана.
Ухэжи ярляхань харамта.

6

Улан палаги гандарашда,
Удин город нэхульжа,
Улан Ленина ухэшга,
Союз молодежь залагульжа.

* *

1

Когда перестал итти сильный дождь,
То легче стало птенцу кроншнепа.
Когда установилась власть Ульянова,
То народу стало легче и лучше.

2

Облегчившему участь каурой лошади,
Высокому вагону — благодарность.
Облегчившему участь хлебопашцев,
Красному Ленину — благодарность.

3

Облегчившему участь саврасой лошади,
Быстрому вагону — благодарность.
Облегчившему участь трудового народа,
Коммунисту Ленину — благодарность.

4

Пылающий огонь, разжигавший
Трут да огниво,
Много народа возбудивший —
Ульянов Владимир.

5

Жалко, когда плавающая по морю лодка
Уносится течением.
Жалко, когда организовавший весь мир Ленин наш
Уносится смертью.

6

Если красный платок и износился,
То пусть город Удинск соткет.
Если красный Ленин и умер,
То пусть заменит его молодежь.

Частушки эти приведены газетой «Власть Труда» (Иркутск). Они же напечатаны в «Бурятоведческом сборнике» ВСОРГО за 1926 г., вып. 1 и 2 и за 1927 г. в № 3—4. Кем и где они записаны, нам неизвестно.

* *

ПОКОЙНИШНЫЙ ВОЙ ПО ЛЕНИНЕ

Сибирские причитания

Ой, что Владимир ты да все Ильич только,
Ой, да-т на кого же ты распрогневался,
Ой, да на кого же ты распрогневался.

Ой, что кто у нас будет заведывать,
Ой, что кто у нас да исполнять будет
Ой, исполнять дела тяжелые.

Ой, уж как стань, ты умна головушка,
На свое только ты да мистечушко,
Ой, сожалей ты да свое войско.

Ой, да вас всигда вспаминать будим,
Ой, никада то да мы не забудим вас,
Ой, вашу смерточку да чижалешеньку
Ой, споминать станим вас на конец жизни.

Эти причитания сибирских крестьянок о Ленине записаны летом 1925 года в одной из деревушек Иркутской губернии студентом Иркутского университета Хандзинским.

Причитания эти были сложены на одной из посиделок тотчас же по получении известия о смерти Ильича и сейчас широко распространились среди крестьянства Сибири. Они носят название: «Покойнишный вой по Ленине».

Из Сибири эти причитания были доставлены в Пушкинский дом Академии Наук и впоследствии (в 1926 году) были напечатаны в ленинградской «Новой вечерней газете».

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА ОБ ИЛЬИЧЕ

ВОСТОЧНЫЕ ЛЕГЕНДЫ О ЛЕНИНЕ

ЛЕНИН В ВОСТОЧНОЙ ПЕСНЕ И СИБИРСКИХ ПРИЧИТАНИЯХ

1 руб.

